

2. Публикации

В.С. Аксенов

Харьков

К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца

В результате столетнего исследования древностей второй половины VIII – первой половины X вв. юга Восточной Европы достаточно хорошо известно о том, как в целом выглядел набор украшений из серег, ожерелий, подвесок, амулетов салтовских женщин. Под пристальным вниманием исследователей находились и находятся вопросы поисков истоков и генезис отдельных салтовских украшений, элементов одежды, поясной гарнитуры [Макарова, Плетниева 1983; Фонякова 1986; Фонякова 1998], вопросы семантики образов, представленных во многочисленных амулетах-оберегах [Албегова 1995; Афанасьев 1976]. Давно и достаточно плодотворно ведется реконструкция мировоззрения населения каганата по изображениям салтовского времени [Нахапетян 1994; Плетниева 1984; Флерова 2001]. К сожалению, пока совсем остается не затронутым вопрос об отражении в системе набора украшений салтовских женщин идеологических взглядов населения Хазарского каганата, хотя именно элементы убора, комплекс украшений в целом, являются наиболее объективным источником для изучения мировоззрения населявших каганат народов [Нахапетян 1994, 107]. Это позволяет сделать попытку выяснить, в какой мере могли найти или нашли отражение в системе женских украшений салтовской культуры мировоззренческие идеи, как это, например, было отмечено для женского убора русских княжеско-боярских кругов XI-XIII вв. [Рыбаков 1988, 562 - 638, рис. 95].

Для решения столь интересной задачи стоит обратиться к комплексам украшений из грунтовых погребений бассейна Северского Донца, содержащих вещи, семантика образов которых достаточно прозрачна и не вызывает серьезных споров. К таким украшениям, как нам представляется, относятся в первую очередь золотые бляшки прямоугольной формы со стеклянной вставкой по центру, обнаруженные в двух захоронениях биритуального могильника Красная Горка (№№ 165, 176) [Михеев 1990, 14, табл. XXXIV, 2; Михеев 1991, 7 табл. XIV] и в погребении №1 могильника у с. Залиман [Макаревич 1957, рис. 3]. На принадлежность данных памятников праболгарскому, тюркскому в своей основе, населению салтовской культуры бассейна Северского Донца указывают характерные черты погребального обряда.

Погребение №165 могильника Красная Горка было совершено на глубине 1,7 м от современной поверхности почвы в могильной яме прямоугольной формы размерами 2,4х0,6 м (Рис. 1: 1). Костяк женщины плохой сохранности лежал головой на запад (Аз. 270°), на спи-

ноги вытянуты, левая рука согнута в локте так, что кисть покоилась на костях таза, правая рука вытянута вдоль тела. Справа от черепа погребенной находилась красноглиняная кружка, рассыпавшаяся в ходе расчистки. По обе стороны от черепа лежали бронзовые литые сережки (Рис. 1: 2), на шейных позвонках – пять золотых бляшек со стеклянными вставками (Рис. 1: 3), чуть ниже их находилась россыпь бисера и бус (Рис. 1: 7 - 10). На запястьях погребенной женщины было надето по одному бронзовому проволочному браслету (Рис. 1: 5, 6). В районе левого плеча погребенной была обнаружена бронзовая литая пуговица (Рис. 1: 4), а справа от таза и рядом с берцовыми костями левой ноги – фрагменты железных черешковых ножей в деревянных ножнах (Рис. 1: 11, 12).

Погребение №176 могильника Красная Горка было совершено по обряду кремации на стороне с последующим помещением останков в урну. На глубине 1,25 м от современной поверхности почвы устьем вверх стоял салтовский столовый двуручный горшок-урна (Рис. 1: 13), полностью заполненный плохо пережженными костями человека, не очищенными от остатков погребального костра. Погребальный инвентарь располагался вперемешку с кальцинированными костями. Среди останков погребенной были найдены отдельные бусы (Рис. 1: 20 - 22), бисер, 15 ракушек каури с отверстиями (Рис. 1: 23), три золотые нашивные бляшки с круглой вставкой по центру (Рис. 1: 19), фрагменты двух поврежденных в древности золотых сережек (Рис. 1: 24, 25). Здесь же находились обломки железных и бронзовых предметов, назначение которых определить не представляется возможным. В 5 см к югу от урны были обнаружены остатки деревянного ларца: железная витая ручка (Рис. 1: 16), оковки и защелка от замка (Рис. 1: 15, 17, 18).

Золотые бляшки из обоих погребений имеют размер 1,5 x 1,5 см и украшены расположенной в центре поля бляшек вставкой прямоугольных (погр. №165) или округлых (погр. №176) очертаний из темно-коричневого стекла. Гнездо для стеклянной вставки образовано путем припаивания поставленной на ребро золотой полоски. Концы полоски соединены встык. По краю всех пяти бляшек из погр. №165 напаян бордюрик из рубчатой проволоки. Такой же рубчатой проволокой окантовано основание гнезда вставок (Рис. 1: 3). Края бляшек (3 экз.) из погр. №176 загнуты вовнутрь. Этот своеобразный бордюрок украшен точечным орнаментом, имитирующим зернь. Точечный орнамент был нанесен с лицевой стороны бляшек вдоль всего их края, и лишь потом края бляшек были загнуты и образовали бордюрок. Дополнительно бляшки украшены припаянными тонкими золотыми полосками, идущими из угла в угол бляшек, с нанесенными на них точечным орнаментом, имитирующим зернь (Рис. 1: 19). В месте пересечения этих полосок и было образовано гнездо для стеклянной вставки. К бляшкам из погр. №176 стилистически близки бляшки из погр. №1 Залиманского могильника (Рис. 2В: 4), но в отличие от них точечный орнамент, имитирующий зернь, был нанесен непосредственно с обратной стороны бляшек. На оборотной стороне бляшек из обоих погребений могильника Красная Горка по всем четырем углам были припаяны петельки, изготовленные из свернутых в трубочки золотых полосок. С помощью этих петелек бляшки пришивались к одежде.

Отсутствие подобных украшений на памятниках, оставленных другими этносами - носителями салтово-маяцкой культуры, позволяет предположить, что данные изделия являются изделиями тюркского мастера - носителя тюркской идеологии и религиозных представлений. Ниже предлагается один из возможных вариантов объяснения тех украшений, которые, с определенной долей вероятности, заложены в наборах украшений из рассматриваемых захоронений.

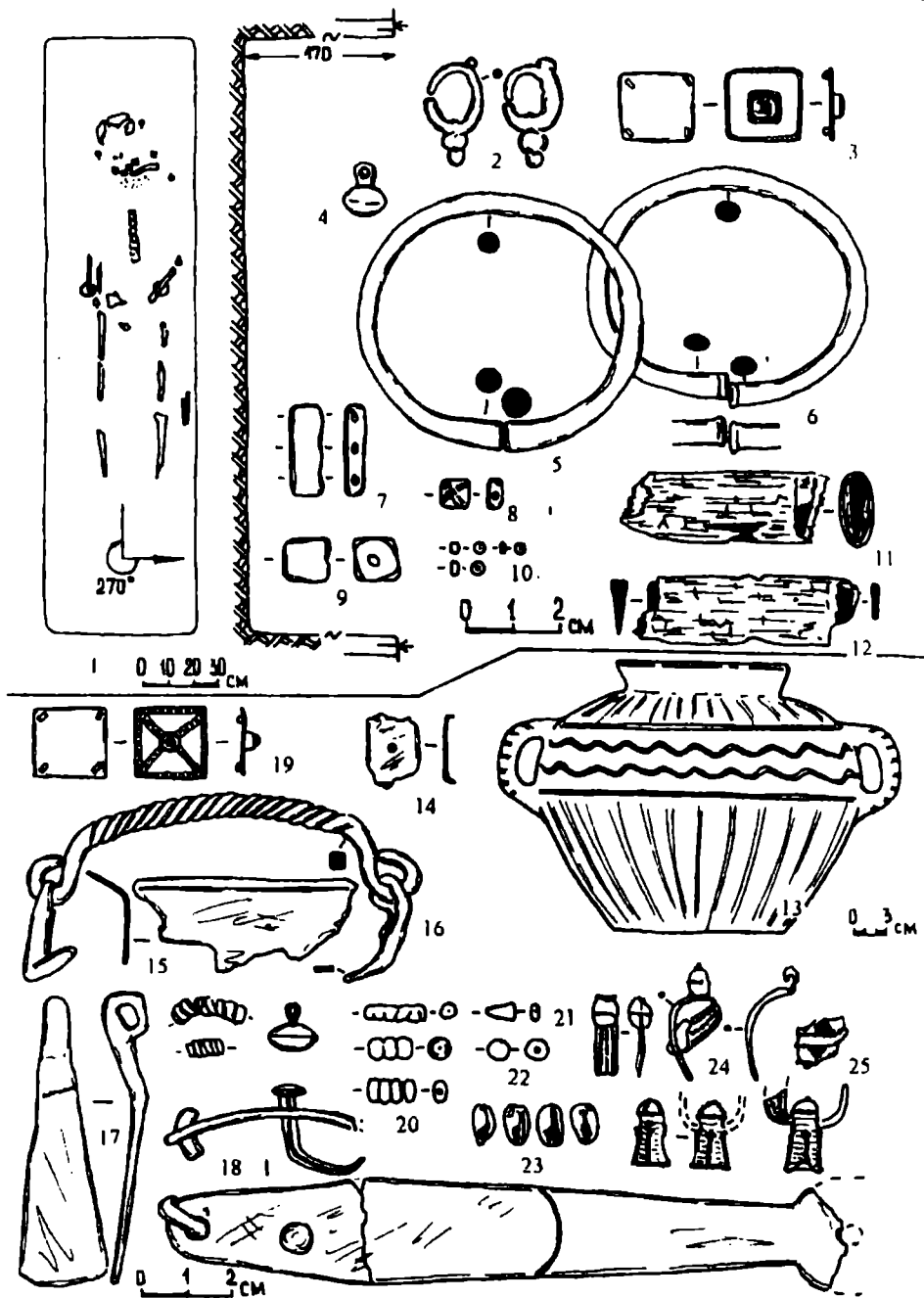

Рис. 1. 1-12 – погр. № 165 (Красная Горка), 13-25 – погр. № 176 (Красная Горка).

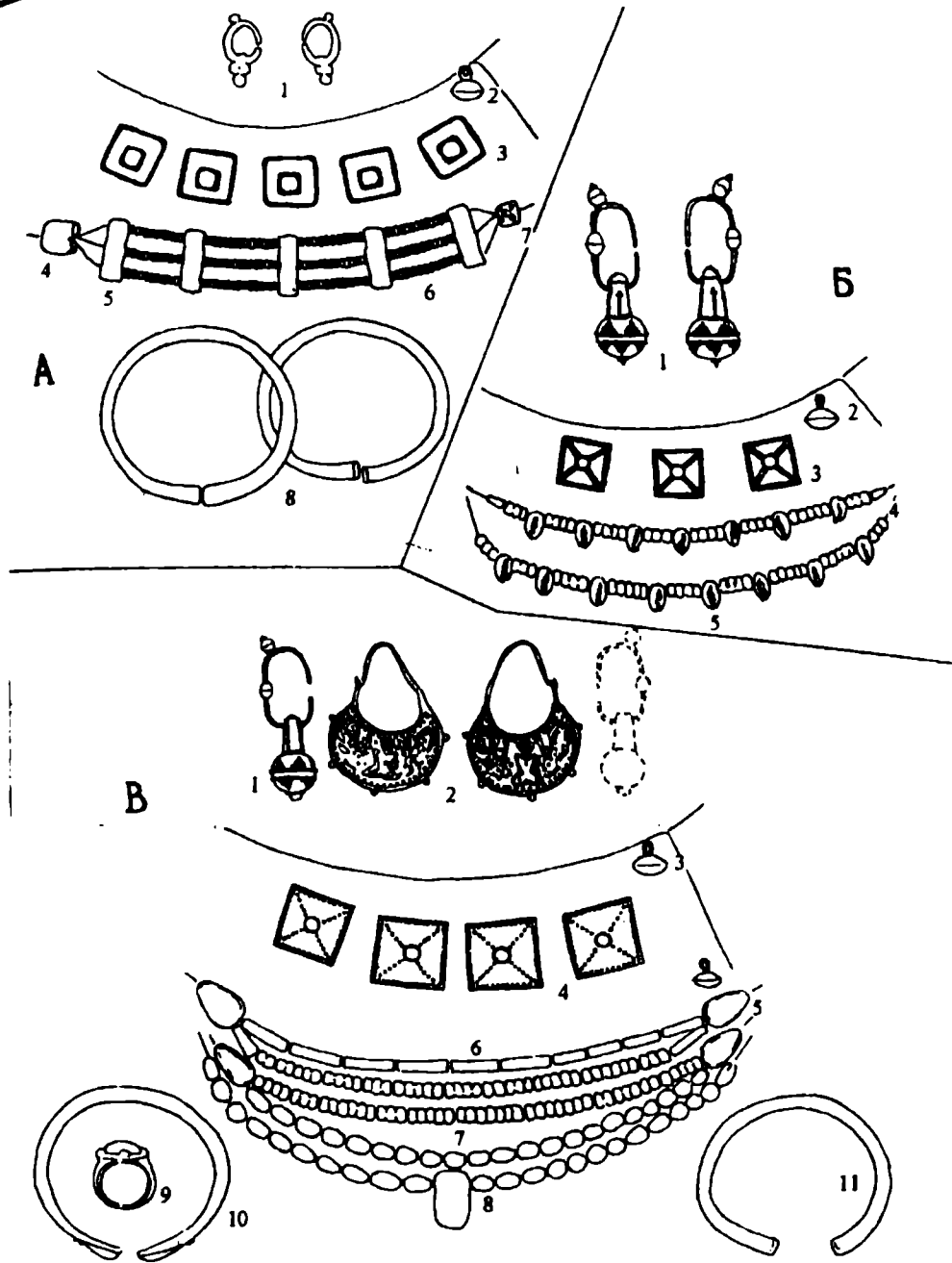

Рис. 2. Реконструкция уборов: А – из погр. № 165 могильника Красная Горка; Б – из погр. № 176 могильника Красная Горка; В – из погр. № 1 могильника у с. Залиман.

В квадратных бляшках из описанных выше погребений, как нам представляется отражен образ горизонтального плана мира. Это подтверждается наличием основного признака горизонтальной схемы мира – центра (в виде стеклянной вставки), который на бляшках из погр. № 176 (Красная Горка) и погр. № 1 (Залиман) дополнен нанесенными осями симметрии, ограничивающими сектора стран света. Квадратная горизонтальная модель мира известна многим народам, в том числе и древним тюркам. При этом имеется в виду пространство с выделенным центром, ограниченное с четырех сторон, имеющее четыре угла [*Кляшторный* 1984, 122]. В нашем случае роль центра играет стеклянная вставка, выступающая над поверхностью бляшек, которая может символизировать священную гору. В ряде традиций каменные полусферы (пол-яйца) служили опорой других символов центра (мировой оси) или их вершины (например, вершиной мировой горы) [*Топоров* 1997, 350]. У древних тюрков гора (целая горная система) выступает ситуативным центром мира, обязательной вертикалью в пределах ландшафтной схемы “земля-вода” [*Кляшторный* 1984, 122, 123]. При этом гора и дерево (мировое дерево) заменяют и дополняют друг друга, выступая сакральными семантическими центрами своей территории (освоенной земли) [*Традиционное мировоззрение* 1988, 32; *Топоров* 1997а, 311]. По-видимому, не случаен и выбор материала для вставки (стекло), обозначающей центр горизонтальной модели мира на наших бляшках. Так, например, по существовавшим у тувинцев воззрениям в верхнем мире (на небе) находящиеся там люди, видимые с земли как звезды, живут в *стеклянных* (разрядка - А.В.) юртах [*Традиционное мировоззрение* 1988, 93]. Если наше предположение верно, то и оформление края бляшек в виде бордюра из рубчатой проволоки или цепочки псевдозерни не случайно. Обозначение границ освоенной территории напрямую связано с ее сакрализацией. Возможно, что подобное оформление края выступает своеобразным символом веревки, которая опоясывала по периметру юрту кочевника, придерживая ее покрытие, придавая ее конструкции законченность. С жилищем у тюрков, как и у многих народов, соотносилась в целом вся Вселенная [*Традиционное мировоззрение* 1988, 61]. А сам образ горизонтальной модели мира – квадрат с обозначенным центром, диагоналями – довольно часто встречается в салтовских древностях в виде граффити на камнях, кирпичах, в процарапанном виде на астрагалах [*Нахлуптян* 1994, рис. 2]. Косой крест, разделяющий прямоугольник на четыре части, у многих народов мира выступал символом “четырех сторон света” или “четырех областей/частей земли” [*Голан* 1993, 119].

Бляшки – образы горизонтального плана мира – в погр. № 165 (Красная Горка) (Рис. 1: 1) и погр. № 1 (Залиман) были обнаружены в верхней части грудной клетки погребенных, чуть ниже шейных позвонков. Это позволяет говорить, что они были нашиты по вороту одежды и, вероятно, помимо чисто эстетической нагрузки, выполняли и роль своеобразных амулетов-оберегов. Размещение амулетов-оберегов по краям одежды (вдоль разреза пазухи, по краям рукавов, по подолу, по краю ворота), т.е. в местах наиболее уязвимых, с точки зрения древнего человека, для проникновения враждебных человеку сил, было принято у многих народов. Подобные нашим мелкие квадратные бляшки нашивались по вороту платья туркменских и алтайских девочек, женщин [*Васильева* 1986, 185; *Поталов* 1951, рис. 26, 27, 40]. Известно, что тело человека, его одежда, выступая своеобразной мифологической пространственной конструкцией, достаточно четко делились на три пояса. Верх (голова, головной

убор) связывался с небесным, низ (ноги, подол платья, обувь) - с земным началами, тогда как само туловище человека обозначало срединный мир [Традиционное мировоззрение 1988, 176]. В этом случае квадратные бляшки со стеклянной вставкой по центру, нашитые вдоль ворота одежды, в системе женских украшений салтовской культуры, вероятно, обозначали границу среднего мира (туловища человека). Показательно, что крест выбивался на угловом камне дома (Дагестан) и к нему относились как к оберегу, призванному содействовать долговечности жилища, благополучию обитавших здесь людей [Голан 1993, 118]. С таким же значением этот знак наносился над воротами (входом) у хеттов.

Тогда в рассматриваемых наборах верхний мир должны были символизировать серьги (Рис. 2А: 1; 2Б: 1; 2В: 1) и височные подвески (Рис. 2В: 2). Наиболее показательными, с нашей точки зрения, в данном случае, выступают золотые серьги из погр. №176 (Красная Горка) и аналогичная им серебряная серьга из погр. №1 (Залиман). Эти серьги украшены тремя шаровидными выступами: двумя меньшими, расположенными в верхней и средней части эллипсоидного кольца сережек, и еще одним, более крупным, - в нижней части подвески сережек (Рис. 2Б: 1; 2В: 1). Возможно, по аналогии с трехбусинными височными кольцами из древнерусского головного убора, они могли символизировать три солнца, т.е. "трехсветлое солнце" [Голан 1993, 140; Рыбаков 1988, 574, рис. 98]. Интересно, что налобные повязки салтовских и, в частности, аланских девочек довольно часто снабжены тремя круглыми бляшками из золотистой бронзы [Аксенов 1999, рис. 4: 22; 5: 31, 32; 6: 36; Иерусалимская 1992, 7, 62; Плетнева 1989, 107]. Они, вероятно, отражали ту же идею. Аналогичное украшение обнаружено на лобной части черепа девочки из погр. №300 могильника Красная Горка [Михеев 1995] и катакомбы №2 Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника [Бородулин 1989]. Символично, что в некоторых случаях (катакомба №4 Рубежанского и катакомба №3 Старо-Салтовского катакомбных могильников) бляшки налобных венчиков дополнительно были украшены точечным орнаментом, придающим им вид широко распространенных солярных символов - крест в круге, т.е. солнечного колеса [Аксенов 1999, рис. 5: 31; Бородулин 1987]. Украшение самой крупной бусины орнаментом из зерни в виде обращенных вершинами вверх и вниз треугольников только подчеркивает, углубляет, по нашему мнению, связь данных изделий с верхним миром. Треугольник, как знак дождевого облака, неба, несущего живительную влагу, был весьма распространенным в древности символом [Голан 1993, 16, 84]. В христианстве треугольник служил символом божества - "всевидящего ока", генетически связанным с символикой солнечного культа [Голан 1993, 83]. Таким образом, в композиции и орнаментации данных сережек соединена идея солнца с идеей неба, несущего живительную влагу, что вполне соотносится с верхним миром.

Менее выражена идея верхнего мира в серьгах из погр. №165 могильника Красная Горка (Рис. 2А: 1), но и здесь она, по-видимому, присутствует, если рассматривать данные серьги в одном контексте с бляшками, символизирующими горизонтальную модель мира. Серьги из погр. №165 имеют в нижней части кольца "гроздевидную" подвеску, которую, вероятно, можно трактовать как стилизованный знак дождевого облака или скатывающихся с неба дождевых капель.

Семантическое значение головных украшений из погр. №1 (Залиман), как образа верхнего мира, усилено наличием золотых подвесок (Рис. 2В: 2). Присутствующие в

уборе золотые подвески с серповидной украшенной растительным орнаментом привеской можно трактовать, по-видимому, как солнце, едущее в лодке, или, точнее, как солнечную ладью. Солнечная ладья присутствует в мифах многих народов мира [Голан 1993, 51]. На вероятность такого предположения указывает форма привесок, материал (золото), из которого они изготовлены, наличие по краю привесок пяти небольших выступов, которые, вероятно, следует трактовать как отходящие от солнца лучи. Как образ солнечной ладьи рассматриваются разнообразные луновидные подвески восточных и южных славян второй половины I тыс. н. з. [Шоповалов 1997, 91 - 92]. Таким образом, в головных украшениях из погр. №1 (Залиман) образ верхнего мира передан с наибольшей полнотой, а сам набор головных украшений (серьга – “трех-светлое” солнце и подвески – солнечная ладья) несет в себе идею источника подачи всех жизненных благ.

Картину мира в исследуемых комплексах украшений дополняют бусы (Рис. 2А: 4-7; 2Б: 4; 2В: 5-8). В погр. №165 (Красная Горка) их насчитывалось 162 экземпляра (из них 155 бисерин), в погр. №1 (Залиман) – 99 экземпляров [Макаревич 1957, 148, рис. 3]. Количество бус в погр. №176 могильника Красная Горка установить сложно из-за того, что инвентарь побывал в огне погребельного костра. Большое количество бус на груди женщины должно было, помимо чисто эстетических функций, способствовать ее семейному благополучию, ибо у тюркских народов бусины являлись символом богини Умай и ассоциировались с многочисленным потомством [Традиционное мировоззрение 1988, 174]. В сожжении №176, помимо спекшихся стеклянных бус, были обнаружены 15 раковин каури с отверстиями для их подвешивания, которые, по-видимому, также входили в состав ожерелья. Раковины каури в качестве амулетов-оберегов у многих народов пришивались на одежду, головные уборы, вплетались в волосы [Васильева 1986, 183; Иерусалимская 1983, 113; Потапов 1951, 42 - 43]. Из-за того, что они своими очертаниями напоминали головку змеи, их связывают с культом змеи. Змея же в индоевропейской, индоиранской, славянской мифологии однозначно отождествлялась с водным (нижним) миром и выступала символом, связываемым с плодородием, землей, женской производящей силой [Иванов 1997, 468, 470]. Исходя из этого, помещение раковин каури ниже пояса из бляшек, символизирующих горизонтальную модель мира (свою, освоенную землю), в составе ожерелья на груди вполне логично, ибо почти повсеместно существует древний миф о том, что некий змей охраняет “мировое дерево”, находясь у его корней [Голан 1993, 81]. У тюркоязычных народов области подмышек, пазухи (грудная клетка), соотносимые с топографией вселенского тела, причастны к рождающему началу [Традиционное мировоззрение 1988, 177 - 179]. Возможно, в таком случае, бусы и бисер могут быть соотнесены с символическими зёрнами, зародышами, полученными от божества плодородия.

Таким образом, весь комплекс женских украшений из данных погребений бассейна Северского Донца, связанный с идеей плодородия и отражающий взаимодействие макрокосмоса и микрокосмоса (человека), соотносится с верхней частью тела человека (головой, грудью). При этом существенное место в рассмотренных комплексах занимали бляшки, в которых, по нашему мнению, отражен образ горизонтального плана мира. Тот факт, что комплексов, содержащих подобные бляшки, мало, существенно снижает достоверность наших выводов. Однако, в реальной жизни, образ, представленный в подобных бляшках, у рядового салтовского населения мог быть выполнен

из нестойких материалов, в виде вышивки или аппликации по краю одежды. Например, как показывают материалы могильника Мощевая Балка, в женской и детской одежде ожерелья и амулеты, основу которых составляли квадратные или ромбические кусочки шелка закреплялись на специальных петлях, в районе груди [Иерусалимская 1992, 43, 61]. То же мы видим в обрядовых песнях восточных славян:

Как повышита тонко бела сорочечка:

Около ворот-то - солнышко,

А вокруг-то - вот светел месяц

Со луною да поднебесною,

Со звездой да со восточною.

Поэтому наши предположения могут быть дополнены и уточнены с расширением источниковой базы исследований и с привлечением хорошо документированного массового материала. Однако, несомненно, что с помощью различных украшений человек не просто призывал на помощь космические силы, но и как бы пытался сам раствориться во вселенской стихии, уподобляясь небесным, космическим явлениям и обретая их потенции.

Литература

- Аксенов В. С. Старо-Салтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. - 1999. - №2. - С. 137 - 149.
- Албегова З. Х. К вопросу о религии алан (по амулетам салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. - М., 1995. - С. 10 - 33.
- Афанасьев Г. Е. Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая Балка) // СЭ. - 1976. - №1. - С. 125 - 130.
- Бородулин В. Г. Дневник раскопок Верхне-Салтовского и Рубежанского катакомбных могильников в 1987 году. - Харьков. 1987. // Архив ХИМ.
- Бородулин В. Г. Дневник археологических исследований Верхне-Салтовского III и Верхне-Салтовского IV катакомбных могильников в 1989 году. - Харьков. 1989. // Архив ХИМ.
- Васильева Г. П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. - М., 1986. - С. 182 - 195.
- Голан А. Миф и символ. - М., 1993.
- Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира. Т.1. - М., 1997. - С. 468 - 471.
- Иерусалимская А. А. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мощевая Балка) // СЭ. - 1983. - №1. - С. 102 - 113.
- Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути. - Санкт-Петербург, 1992.
- Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. - М., 1984. - С. 117 - 138.
- Макаревич М. Л. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці // Археологія. - 1957. - Т.10. - С. 146 - 149.
- Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. - 1983. - №2. - С. 62 - 77.

- Михеев В.К.* Отчет о раскопках могильника Красная Горка в 1989 году. - Харьков, 1990. // Архив МАЭСУ.
- Михеев В.К.* Отчет о раскопках могильника Красная Горка в 1990 году. - Харьков, 1991. // Архив МАЭСУ.
- Михеев В.К.* Отчет о раскопках могильника Красная Горка в 1994 году. - Харьков, 1995. // Архив МАЭСУ.
- Нахапетян В.Е.* Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // РА. - 1994. №4. - С. 107 - 118.
- Плетнева С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. - М., 1984. - С. 57 - 94.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. - М., 1989.
- Потапов Л.П.* Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. - 1951. - Т. XIII. - С. 5 - 59.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. - М., 1988.
- Топоров В.Н.* Гора // Мифы народов мира. Т.1. - М., 1997. - С. 311 - 315.
- Топоров В.Н.* Пуп земли // Мифы народов мира. Т.1. - М., 1997. - С. 350.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири.* Пространство и время. Вещный мир. - Новосибирск, 1988.
- Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. - Иерусалим, Москва, 2001
- Фонякова Н.А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтовомаяцкой культуры VIII-IX вв. // СА. - 1986. - №3. - С. 36 - 47.
- Фонякова Н.А.* Художественный стиль украшения поясов в Хазарии второй половины VIII - начала X вв. // МАИЭТ. - 1998. - Вып. VI. - С. 635 - 641.
- Шаповалов Г.И.* Корабли веры. Судходство в духовной жизни древней Украины - Запорожье, 1997.

Summary

V.S. Akvenov

On the problem of semantics of some female sets of adornments of Saltovo period from the Severskiy Donets basin.

The work makes the attempt of finding - out of reflection of universe structure in system of female adornments of Saltovo culture (second half of VIIIth - first half Xth centuries). For this purpose the materials of burial places containing gold square badges with the allocated centre and axes of symmetry were attracted. In these badges the image of the horizontal plan of the world was displayed, which rather frequently meets in Saltovo's antiquities as graffiti on stones, bricks, scratches on astragals. The location of badges - images of the horizontal plan of the world - in the top part of the buried chests, allows to consider their as markers of the average world borders, which in original mythological spatial design were corresponded with trunk of the man. From considered sets of adornments the top world is connected with ear-rings and gold pendant, which can be treated as images of the Sun. All complex of the considered female adornments reflects interaction between macrospace and microspace (man).

